

Свет воспоминаний

Они родились в одном, 1927 году. До 17 лет жили в соседних улусах Дабатуй и Хонхолой. До войны их родные знали друг друга, но им встретиться не пришлось. На 7 лет пути разошлись слишком далеко. Он служил в армии, и солдатские дороги увели его в Китай, она работала в Бичуре. Здесь и встретились в 1951 году, когда им было по 24 года.

Встретились, чтобы уже не разлучаться. 2001 год был годом их золотой свадьбы. Но свадьбы не получилось, хотя день 7 ноября ждали сами юбиляры, а взрослые дети и внуки, кто далеко, кто близко. уже думали собраться на праздник под теплой крышей родительского дома.

Тяжелый инсульт приковал Долгор Жанаевну к постели. Когда я пришла к ним, она еще не могла ходить, но разговаривала долго и охотно. Воспоминания по-хорошему взволновали ее, и на лице, измученном страданиями, то и дело проступала светлая улыбка. Будажап Цыдыпович был неотлучно рядом с женой, и вдвоем они нарисовали славную картину полувековой совместной жизни. И детства, омраченного войной, а еще ранее трагическими событиями и 30-х годов...

Он. Я родился в Хонхолое. Это был чисто бурятский улус дворов на 17. У моего родного отца Цыденжапа Цыдыпова было 10 детей, а у родственника Ирдыни Цыдыпова и его жены Дугармы Шадаповой детей не было. Меня отдали в дети восьмимесячным, и я стал их единственным сыном.

До начала войны свое детство я мог бы назвать счастливым. Жили на берегу Хилка, был и летник. Любимое занятие - рыбалка. Бегали на реку, на озера. Удовольствие и к столу добавка. Рыбы было много. Под обрывом ловили ее буквально руками. Один ляжет на берег, где подмыло, другой за ноги держит, чтоб тот не упал, глядишь - ленок (зэбгз) или хариус (тотхор) в руках. О сетях понятия не имели. В школу пошел в Ново-Никольск, это сибирское село от нас рукой подать. Жил у деда Арефия.

У него было двое ребят постарше меня, Вася и Гоша, вместе спали на полотах. В войну оба сына погибли. У них картошка была, прочая огорожина. Отец расплачивался где зерном, где мясом. В Войну я учился в Малете.

Учительница - сестра бичурянина Циок Апполона Ивановича – Агриппина Ивановна. Жили на квартире у Истомина Семена Ионовича, давнишнего друга отца.

В сорок первом году бросил школу, восьмой класс. Какая учеба, работать надо. Нам, четырнадцатилетним уже давали норму на сенокосе. Не выполнишь - пожурят. Кормили на полевом стане, здесь и спали. Техники, кроме конной косилки, не было. Но мы хотели работать. Вечерами женщины постарше так пели старинные бурятские песни! Мы глазеем.

Дед - бригадир рассердится и нас бичом сверх одеяла: "Спите! В четыре часа подъем" В Харлун и Петровский Завод возили зерно, но сами хлеба не

видали: все для фронта. Ведешь две лошади обозом, с собой пять мешков овса для них. Если в Петровский ехали, то ночевали в Малете. Зима, холодно.

Одежда, обувь так себе. Ватных телогреек не было, какой-нибудь старенький вытертый дыгыл. В сопровождение давали стариков. Еды не было. Картошку буряты не сажали, но с соседними Никольскими сибиряками общались хорошо. Мать у них меняла, что могла на картошку. В войну у нас появилась первая бурятка-огородница, Дулма-бабэй. Что скрывать, лазили по огородам.

Один затевает с бабушкой отвлекающий маневр, другой по канаве ползком до грядки. Огурцов, морковки за пазуху набьешь и тягу.

Вспомнил, как строго было на пахоте. Ходили по полю уполномоченные старики с палочкой вместо линейки. Если кто огрех сделает заставят перепахать.

Старшим беспрекословно подчинялись. Никто не возражал.

Пришлось мне до армии молодых лошадей объезжать. Это не всякому дано. Я люблю коней, да и трудодни давали за это. Обучил первого совершенно дикого коня, его называли “Пошта сабдыр” -развозчик почты. На нем в Шанагу за почтой ездили.

Работал в кузнице молотобойцем. И лопаты, и лемеха ковали. Обучил кузнец Давыдченко, здоровенный такой старик с запада.

Подкова - ручная работа. Я баловник был, нет-нет да нарочно мимо дашь - подзатыльник получишь. А сколько девчонок тогда работало. Многие ровесники разъехались, многих уже нет.

Пришло тогда и наше время идти в армию.

Она. Свое детство я редко вспоминаю. А вспомню – плакать хочется. У деда (он жил в Дабатуе) было семеро сыновей и дочь, или в страшной нужде. Моего отца Жана отдали в состоятельную семью. В двадцать девятом году семью раскулачили, отправили в Красноярский край. Приемные родители отца умерли. Не вернулся и отец. Мама осталась со мной. Позже вышла замуж за Санжиева Ширипа Санжиевича, родилась сестренка Анна. С отчимом я и воспитывалась. Я очень благодарна ему.. Он жалел меня, как родную. Сам неграмотный, хотел, чтобы мы получили образование.

Коммунист, председатель колхоза, зимой сорок первого года (я училась в Бичуре в восьмом классе) он был арестован. Посеяли, видимо, некондиционный овес, и всходы были плохие. Забрали и маму. Суд состоялся в Бичуре. Конфисковали дом-пятистенку, белую холмогорскую корову, ножную машинку, деревянную кровать, стулья, стол, два сундука -все. В мою детскую душу почему-то запало, как хватали кур (мы их на кухне держали). Осталась одна старая баня. В Бичуре я жила у родственников Цыбиковых. Однажды тетя Цыпилма налила в бидончик пельмени: “Унеси родителям в тюрьму”. Я мчусь туда, на Калининскую улицу. Январь, туман, холод. Подбегаю - их выводят. Вещи уже на телеге. Мама в шаль завернулась, папа уши шапки опустил. Арестованных человек десять, этапировали четыре охранника.

Я рыдаю, бегу следом, хочу передать - не разрешают, не подпускают близко. Кое-как удалось передать бидончик маме, она под шаль спрятала. Сейчас понимаю: милиционеры закрыли глаза, пожалели меня. Иду по деревянному мосту в центре Бичуры, белого света не вижу А мне надо в школу, сумка тряпичная с учебниками за спиной. Проводила их взглядом, свернула в школу. На крыльце встретил директор Ананин. Хороший человек. Остановил, расспросил, пожалел. Восьмой класс кое-как закончила и уехала в Дабатуй. А так мечтала получить среднее образование.

Родители отсидели два года. Мы это время жили с сестренкой у родственников. Тогда председатель колхоза имени Крупской Семенов Цырен-Дондок Семенович бросил клич всем, кто разъехался, призывая земляков вернуться в колхоз, т.к. рабочих рук не осталось.

Вернулась из Улан-Удэ моя подруга Цыпилма: бросила театральное училище. Голос у нее был прекрасный, а жить в городе не на что. Так всю жизнь и проработала скотником в совхозе.

Цырен-Дондок Семенович был талантливым руководителем, хорошим организатором и душевным человеком. Опирался на коммунистов, комсомольцев. Было развито соцсоревнование. Помню, стенгазету выпустили с карикатурами: передовики летят на самолете, а отстающие плетутся на черепа лошади, и возглавляла комсомольское звено. Зимой отправили нас пасти баран в местность Бобхой. Работали и на полях (к 1 мая сев зерновых уже заканчивали), и на сенокосе. Косили вручную по 70-80 соток. Вязали снопы. По условиям соревнования за первое место давали барана, за второе - барана на двоих. В сорок четвертом году мы с Будажаповой Долгор заняли второе место, А когда объявили конец войны, всем дали отдых на целый день.

Пока старшин сержант, командир отделения связи Ирдынеев служил в армии, его будущая жена не теряла времени даром. В 1948 году приехала в Бичуру и была принята на работу бухгалтером правления РПС. Тепло вспоминает Долгор Жанаевна старых работников райпотребсоюза, своих первых наставников. Многие | из них прошли войну: Фокей Дмитриевич Корнаков, Алексей Захарович Истомин, Николай Николаевич Степанов. Николай Николаевич Антонов, Василий Шафигулович Валиулин и другие Не все имели образование, но свое дело знали прекрасно. Это были люди ответственные, тактичные, добрые, терпеливые. Вспомним их забытые имена: Николай Иванович, Некипелов, Нина Абрамовна Эпова - бухгалтеры, Абрам Капитонович Эпов - директор заготконтору, Михаил Васильевич Елизов - директор конторы "Заготскот", позже заготовитель.

Она. Работы было много, штат маленький. Мы сидели ночами при керосиновых лампах, составляя отчеты. Режим работы был очень жесткий. За опоздание можно было попасть в тюрьму. Никакой механизации учета не было.

Один арифмометр на всех. И таскали его то экономисты, то бухгалтеры, то статисты.

Я старалась работать, чтобы ни от кого не получить замечаний. Жила по квартирам вместе с хозяевами. Позже дали нам с еще одной девушкой Анной Кормышкиной отдельный домик.

Он. Я приехал в Бичуру в пятьдесят первом году и познакомился с Долгор Жанаевной. Она мне понравилась. Странное у нас было знакомство. Приду к ним - она молчит, я молчу. Лучший способ познакомиться поближе – это пригласить в кино Кинотеатр в те годы был и культурным центром и местом свиданий, но как пригласить? Пишу записку и отправляю с посыльным, восьмиклассником Дугаром.

Она. Однажды Будажап Цыдыпович подарил мне... вышитый носовой платочек. На нем какие-то розочки, его и мои инициалы. Думаю, что это работа его сестры Галины Цыдыповны Сандаковой.

Долго хранила этот подарок. Я конечно помню появление в Бичуре красивого молодого парня, разных людей слышала о нем хорошие слова. Мой выбор одобрила мама. Однажды Будажап приходит и говорит: Седьмого ноября будет наша свадьба. С родными все решено”.

Седьмого ноября жених приехал за мной в Дабатуй на двух лошадях. Одна запряжена в ходок (начальство на таких ездило), другая в легкую четырехколесную телегу, сваты и гости на полуторке. По бурятским обычаям в сопровождение невесты девушки не ездили - только замужние женщины.

Две подружки-свидетельницы Дулмажап и Хандасу ехали с нами до Хонхолоя. В начале пятидесятых были в моде резиновые ботинки на каблучках. У одной из подруг таких ботинок не было, искали по всему Шибертую, чтобы удивить Хонхолой. Так в ноябрьские дни поехали в резиновых ботинках. Лошади суровые, вожжи тронули - они рысью. На полуторку, единственную машину колхоза им. Сталина, сели, наверное, человек 30.

Лошади были отменные, и дорогой то мы полуторку обгоним, то они нас, то едем рядом. Ехали долго, но прибыли почти одновременно. По обычаю на каждом бугре брызгали. На главном хутээл дэрэ (бугре) Байса совершили главный традиционный ритуал.

Встретили нас очень приветливо. Два старика сидят, угощают компанию горячим чаем, бухлером, мясом, архи подают. У нас ноги в ботинках ооченели. Признаваться стыдно, колотим нога об ногу.

Здесь огонь разожгли. Он. У бурят было принято жениха провожать за невестой не из своего дома, а из дома родственников.

Невесту, как водится, спрятали, подружки песни поют, просят выкуп. Мы не забыли поставить «сторожа» Чимита Базарова, чтобы вожжи караулил, а то дабатуйские ребята могли их спрятать.

Она. Жених был нарядный. Он на свидания приходил в военной гимнастерке с белым подворотничком, в галифе, блестящих хромовых сапогах. А на свадьбе был в синем бостоновом костюме, что из Китая привез. Да и я постаралась: на мне было синее кашемировое платье с вышивкой.

Мама купила драп, подруга сшила пальто. В общем, говорят, пара была красивая.

Отгуляли хорошо. Сваты обменивались благожеланиями. А назавтра, по обычаю, сват Бухаадай поехал к моей маме оповещать:

«Ваша дочь вышла замуж за нашего сына. Не теряйте ее». В Бичуру мы приехали вместе

Он. Нельзя сказать, что начинали жить с пустого места. Буряты помногу дают на свадьбу. Кухонный стол, стулья моя родня подарила, диван и шкаф ее мама купила. Долгор уже не первый год работала. Наша первая совместная покупка - круглый стол. Квартиры долго не было. Жили у добрых людей: тети Натальи Олейниковой у Нины Петровны Чернышовой. Они с мужем и двумя девочками нам уступили зал, а сами занимали спальню. Пополнялась и наша семья.

Как любые любящие родители о детях и внуках Долгор Жанаевна и Будажап Цыдыпович могут рассказывать бесконечно. Им есть чем и кем гордиться. Вырастили четверых детей. Старший, Владимир, закончил Томское военное училище, инженер-связист. Молодой лейтенант три года служил в Венгрии и помогал родителям поднимать младших брата и сестер.

Сейчас живет в Биробиджане в любви и согласии с женой Татьяной Алексеевной. Дочь Марина, студентка мединститута, сын Владимир учится в университете. Выросли дети дочери Галины, Руслан и Тимур. Сын Сергея Эрдэм осчастливил дедушку и бабушку первой правнучкой Леночкой.

Кроме Эрдэма у Сергея сын Слава и дочь Оюна. Двое детей, Солбон и Туяна, у младшей Татьяны. Крепкие корни пустило родословное древо Ирдынеевых. Трое внуков пошли по стопам бабушки. За многолетний добросовестный труд Долгор Жанаевна получила звание “Заслуженный экономист республики”, она “Отличник потребкооперации”.

“Я знала работу, дом и детей, - говорит она о себе. Почетом и уважением пользовался на работе и Будажап Цыдыпович.

Получил заслуженные награды за военные годы, в том числе медаль "За победу над Японией" и орден “Отечественной войны” II степени. Оба не чуждались общественной работы, и долго можно перечислять их награды, оплачиваемые не деньгами, а благодарностью и признанием людей.

Конечно, не все просто, легко и гладко в их жизни. И сегодня обступают проблемы, жизнь ставит подножки. Но они сохранили любовь и уважение, пополам делят радости и печали. И не было у них никчемных споров за лидерство в семье. Поздравляем же героев этого очерка со светлым праздником Сагаалганом, и пусть свет любви и доброты продлит их годы.

Н. Коробенкова.